Мать Мария, сестра во Христе из Горска

Если вы, мой современник, свернете с шоссе Брест-Москва в мою деревню Горек, то сразу же увидите ряд мощных сосен вдоль улицы. У них есть имя: Васылевы Хвои. Васыля уже нет, недавно умер. Он был пресвитером Горской общины евангельских христиан-баптистов и, как следствие, самым почитаемым человеком в деревне.

Советская власть пыталась выморочить общину, но Васыль не сдался. Община держалась его твердостью, его верой. Он был маленький, высохший, белый, но его не звали дедом. Васыль! Это было по-библейски торжественно. Так называют праведников. И он им был, праведником Горска.

Васыль посадил эти сосны, когда был молод. Иду — и боюсь. Боюсь, найдётся паскудник, который придет к соснам с пилой и бульдозером. Один раз уже приходил, когда через Горек, прокладывали шоссейную дорогу. Три сосны строители выдрали с корнем, оттащили в сторону, бросили гнить на глазах деревни.

Горская община евангельских христиан-баптистов существует с начала века (точной даты никто в деревне не знает). За это время в Горек заворачивали с главной европейской дороги Москва-Брест-Варшава-Берлин-Париж эмиссары следующих политических режимов: царско-российского, не-мецко-кайзеровского, белопольского, большевистско-российского, немецко-фашистского, московско-советского. В их практической деятельности на территории маленькой придорожной деревушки имелись существенные различия (они известны), но имелось весьма существенное сходство: давление на баптистскую веру и на горэцкий язык.

Пример из практики белопольских властителей. Обучение в Горской начальной школе велось на польском языке учителем, присланным из Варшавы. Моя бабка-любка была тогда в школе уборщицей. Про учителя говорила, что человек был хороший, «але коли диэты говррыли на уроку по-нашому, то быв их линиэйкою, або крутые гушы, аж кров тэкла».

Еще пример — из современного советского периода. На каждой службе в Молитвенном Доме

стали появляться незнакомые люди (и мужчины, и женщины), сидели, слушали, записывали что-то в книжечки. Горчаки стали бояться, на службу приходило мало народу. Лишь благодаря смелости Васыля община не распалась. Каждое воскресенье Васыль садился на велосипед и медленно ехал в Молитвенный Дом. Братья и сестры, увидев его в окошко, говорили: «Раз Васыль поиэхав, то нэ страшно. Можэ не забэрут».

С какой радостью мать рассказывала мне о том, что «тэпер нэ страшно, Горбачев разрэшыв молитыса». В честь Горбачева в Горской баптистской церкви прошла служба.

В Горски говорят не «служба», а «собранье». Проводится собранье в воскресенье в 12 часов дня и в 19 часов вечера. Состоит оно из песнопений святых и вполне мирских «гимнов» (стоя: если есть кому играть, то под гармонь), молитв вполголоса (тоже стоя), проповедей и стихов, с которыми выступают наиболее красноречивые и одаренные братья и сестры. Стихи бывают собственного творчества. Темы проповедей самые различимо, главным образом сугубо житейские: труд, любовь, земля, мир, Горбачев, вера, человеколюбие, весна, осень, урожай, терпение, сострадание конкретному члену общины, у которого горе. Обильно цитируется Библия.

Молитвенный Дом сейчас в хате горчака, выехавшего в Минск. Баптисты ее купили в складчину. Убранство аскетичное: пара скромных табличек с изречениями. Одну табличку я помню с детства, когда Молитвенный Дом был в хате глухонемого Василия Козловича. «Бог есть любовь». Та же рамка. Та же серая бумага. Может, то же стекло.

Со стыдом вспоминаю свою райселькоровскую акцию против горских баптистов. В моем архиве, никуда от него не денешься, есть газетная вырезка из «Маяка коммунизма», датированная 1963 годом. Это моя первая газетная публикация. Гордость каждого пишущего. Заметка называется «Да очнитесь же вы, наконец!». Вот что сочинил ученик десятого класса Малечской средней школы:

«Культурному человеку трудно представить себе жизнь без книг, без кино, без радио. Но в деревне Горек Малечского сельсовета есть такие люди, что живут без всего этого. (Далее назывались фамилии. Теперь-то, осознав свою вину перед земляками, то фамилии я не назову. — А. К.)

Каждое воскресенье на своих сборищах они отбивают поклоны «всевышнему», драя пол коленями, вразнобой воя неразборчивые молитвы и душераздирающие песни. И как-то грустно, досадно и даже обидно становится за них, оторванных от кипучей жизни страны, ничего не знающих, кроме своего «господа бога». Как жалки и несчастны эти люди!

Да очнитесь же вы, наконец! Идите в жизнь, кипучую, трудовую, радостную жизнь. Посмотрите, как хороша она, жизнь строителей коммунизма».

Не стану комментировать: стыдно.

За «статью» мне досталось от бабки-любки. После публикации наши дискуссии о Боге возобновились.

- Господь Бог не может принять образ человека. Бог — не идол, не икона, которым надо молиться, бить челом. Молись — и греши в миру. Опять молись идолу, и опять греши. Нет,

внучек, если взаправду веруешь, то Бог — в тебе самом, он с тобой всегда. Он не даст согрешить. Ты сам — бог. Так мне поясняла суть баптизма бабушка.

В баптизме есть что-то от эпохи Возрождения, возвеличивающей человеческую личность. Примерно тогда баптизм и зародился как одна из ветвей протестантизма.

В баптизме много общего с коммунизмом, верующим в невидимую идею (абстракцию, выведенную теоретическим путем). Впрочем, идея коммунизма предполагает обязательность идола, которому необходимо с религиозной фанатичностью поклоняться. Не важно, что все идолы впоследствии оказываются ложными, сброшенными с пьедесталов вниз головой. Главное — в наличии очередной.

Свято ли хранят и лелеют в себе Бога горские братья и сестры? Не свято, не последовательно, не фанатично. Грешат на каждом жизненном шагу: то поссорятся из-за курицы, залезшей в соседский огород, то посудачат по поводу некрасивой невестки, то украдут на совхозной ферме фартук комбикорма или вольют в колхозное молоко полведра воды...

Все прегрешения немедленно становятся известны общине, осуждаются общественным мнением деревни и непосредственно в Молитвенном Доме.

На собрание горских баптистов было вынесено однажды и мое «дело». Один из моих литгазетовских очерков о земляках и их проблемах вызвал в Горске неоднозначную реакцию. Нет пророков в своем отечестве, тем более таком маленьком, как родная деревня. И сказала моя землячка: «Будь он проклят, писака несчастный!» И была она сестрой во Христе — вот что существенно в моем «деле». Проклясть человека — тяжкий грех для баптиста. Во-первых, потому, что проклятие сбывается. Во-вторых, баптистская вера не сочетается с унижением, с уничтожением человека. Узнав, что сын проклят, моя мать обратилась к пресвитеру. Конфликт рассматривался на собрании. И согрешившей сестре было категорически предложено взять свое проклятие обратно, покаяться, принести извинения моей матери. **Что и было сделано со слезами покаяния с одной стороны и слезами прощения — с другой.**

Баптисты — «нормальные», «земные» люди. Вынужден написать здесь эту глупость, потому что о баптистах распространяют нелепые сплетни (жертвоприношение, экстаз). Нет, они — как все мы. Это спасает их от рабства в вере. Да, «как все», но чуть сдержаннее в радости, во гневе и ненависти. Тот внутренний Бог все-таки есть. Он совершенствует личность. Среди баптистов нет пьяниц, распутников, лентяев, прогульщиков, растратчиков, взяточников, казнокрадов, коррупционеров. Во всяком случае, во сто крат меньше, чем таковых среди коммунистов.

Мама была неверующей до пятидесяти лет. Бабушка упрекала ее, что ходит в кино, что выпьет на свадьбе. Упреки звучали во время ссор (довольно частых). Бабушкины упреки били рикошетом по ней же. Мать моя вполне логично аргументировала: «Ты баптистка, а рвэш моиэ ниэрвы, не шкодуеш».

Когда умер отец, мать осталась одна, мужнина родня тотчас забыла о ней. Родственник брал с нее, как с чужой, деньги или бутылку за ничтожную помощь (привезти с поля картошку). Помощь — и моральная, и практическая — пришла в нашу хату с Молитвенного Дома. Мать стала посещать собранье.

О том, что она приняла крещение, мама призналась мне через два года. Она боялась, что я, коммунист, не пойму ее. Еще больше она боялась, что своим баптизмом навредит мне, что меня из-за такой матери снимут с работы. Добрая, смелая, запуганная соцдействительностью мама!..

Последний раз я виделся с матерью 8 октября 1989 года во дворе Горского Молитвенного Дома. Горская община баптистов проводила традиционный осенний Праздник Жатвы.

Накануне вечером мама нанизывала на ниточку листья клена, прокапывая иголкой «хвостики». Назавтра я увидел эти разноцветные гирлянды, подвешенные под потолком Молитвенного Дома. Зеленые, оранжевые, желтые листья клена. Даже аскетичная табличка «Бог есть любовь» была украшена кленовым листом. На столике пресвитера стояли цветы, в вазах лежали яблоки.

Во дворе Молитвенного Дома в котле варились щи из баранины, были расставлены длинные столы, негромко звенела посуда. На Празднике Жатвы баптисты причащаются дарами земли, кормят всех, кто пожелает отведать осенние дары.

В Доме было тесно, душно. Звучали проповеди о земле дарующей, о руках возделывающих, о Боге воздающем. Служба шла на русском, украинском, белорусском языках. Приехало много гостей из других баптистских общин.

Я слышал, как мама запевала. Видел что ей приятно, что сын здесь, на Празднике Жатвы (приехал специально из Минска!), внимательно слушает, уважает, хотя и партийный.

Я пробыл на собрании с 13 до 15 часов. Мне нужно было уезжать в Минск. Я пробрался к маме и сказал, что мне пора. Она огорчилась, вышла меня проводить, хотела идти со мной домой. Я знал, что ей хочется и меня проводить, и запевать. Я уговорил ее остаться.

Я поцеловал маму на дорожке среди голых осенних вишен, окружавших Молитвенный Дом, и она пошла петь и молиться. Маленькая на протоптанной дорожке. Веселая, ибо был Праздник Урожая. Ушла навсегда к Богу.

Последнее письмо мамы (с сокращениями):

«Здравствуйте, дорогие мои детки! Толичек, Тома, внучек Николашка, а также моя уважаемая сватья Татьяна Фоминична!

Во-первых. Поздравляю вас с новосельем! Пусть Бог вас благословит в радости жить, в согласии и здоровье.

Получила я твое письмо, сынок, обрадовалась и смутилась. Все в тебе смута, проблемы неприятные. Ну что ж, раз ты такой упрямый, тебе хоть кол ставь, а ты на своем, тогда терпи, то атаманом будешь. Можешь даже очутиться за проволокой. Время нынче тревожное, непостоянное. Умные люди осторожны, а дураки погибают, ничего не добившись, не жалея себя и свою семью. Я слушаю передачи, все знаю, что в стране анархия. Запаситесь кое-чем, мукой, крупой, пока есть...

Пенсии мне не добавили ничего, осталось, как и было, 29 рублей. Я ездила в Березу узнать, как мне, что делать. Сказали — ничего, хоть вы даже будете иметь 1 группу, все равно ничего вам не будет. Сказали, может, потом что-нибудь добавят. Этой пенсией наделали больше зла меж

людьми, дали тому, кто зажиточно живет. А кто был обиженным или сирота, так и остался. Ты, сынок, знаешь, что есть у нас старухи, что ничего не получают. Так и остались без копейки. Вот такая у нас справедливость. Я была сразу очень расстроилась, но уже успокоилась. Сколько той жизни осталось...

Поздравляю вас всех с праздником 7 ноября. Ближе было бы, то приехала б, но очень далеко. Тяжело, не рискую.

До свидания. Будьте счастливы!

Ваша мать Мария.

31.10.89».

10 ноября на клочке бумаги почти неразборчивым почерком сокращенными словами мама написала последнюю записку:

«Мои деточки, мучаюсь от сердца с понедельника утра. Не в силах была выйти, чтоб оказали помощь. Умираю, мои милые детки. Не скорбите сильно, а радуйтесь, что я уже отмучилась. До свидания. До свидания. До свидания».

В ночь с 10 на 11 ноября мама умерла. Рано утром соседка Валя пришла ее проведать и увидела маму на полу на коленях.

Мама умерла в молитве.

Хоронили маму баптисты. Она тыщу раз предупреждала меня и брата моего, чтобы похоронили ее по баптистскому обряду.

В день похорон ко мне как старшему сыну подошла сестра во Христе Зина, самая близкая подруга мамы, недоверчиво спросила, правда ли, что я разрешил похоронить мать по-баптистски. Горько, что идеи так разъединяют людей! Я успокоил Зину. Она еще спросила: по полному или неполному обряду хоронить? «По полному! А как же иначе, Зина?»

В тот день Молитвенный Дом переместился в нашу хату, где на той же широкой лавке, на которой я когда-то плакал от тоски по маме, стоял гроб, а в нем безмолвная мама внимала молитвам, проповедям и гимнам.

Похоронили маму на Малечском кладбище, рядом с отцом, на заранее выбранном ею месте. У раскрытой могилы молодой брат во Христе, которого я видел впервые, подарил мне Библию.

Могу ль я быть лишь хладнокровным читателем ее?

От матери остались две общие тетради, заполненные стихами и гимнами. Многие написаны на нашем, на горэцком языке. На мамином языке. Я уверен, их сочинила она сама.

Могу ли я не верить написанному матерью моей Марией?

Отрывок из документальной повести «Автобиоэкологрaфия»

Анатолий Козлович. Газета «Литературная газета - Досье», № 3, 1992 год.

Комментарии